

КОРРЕЛЯТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ И ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ВНУТРЕННЕЙ ВЕРШИНОЙ В УДМУРТСКОМ БЕСЕРМЯНСКОМ¹

О. И. Беляев

1. Введение. О понятии относительного предложения

В современной лингвистической литературе различных теоретических направлений общепринято функциональное определение относительного предложения как синтаксической конструкции, в которой подчинённая клауза (собственно *относительная клауза*) характеризует участника ситуации в главной клаузе путём отсылки к ситуации, задаваемой в зависимой предикации [Nikolaeva 2005; Lehmann 1984]. Принято описывать относительное предложение как соответствие между некоторой синтаксической ролью в придаточном предложении – *мишенью* – и некоторой синтаксической ролью в главном предложении – *антецедентом*². Например, рассмотрим следующее предложение русского языка:

(1) Книга, которую ты искал, сейчас у меня.

В примере (1) устанавливается соответствие между ролью прямого дополнения в относительной клаузе («ты искал X») и ролью подлежащего в главном предложении («книга (X) сейчас у меня»). Часто (ср. [Ross 1967]) построение относительного предложения описывают как операцию *релятивизации* некоторой синтаксической роли в придаточном предложении (отсюда и термин «мишень»).

С точки зрения семантики относительные предложения принято делить на два фундаментальных класса: *рестриктивные* и *нерестриктивные*. Рестриктивным называется такое относительное предложение, в котором придаточная клауза ограничивает референцию антецедента. Пример (1) иллюстрирует именно такой семантический тип относительного предложения: здесь из множества всех возможных книг выбирается именно та книга, которая удовлетворяет относительной клаузе «которую ты искал». Нерестриктивным называется такое относительное предложение, в котором придаточная клауза добавляет некоторую дополнительную информацию об антецеденте, который сам по себе уже определён и имеет референцию независимо от неё [Nikolaeva 2005: 501–502], например ср. ИГ «Петя» в примере (2).

¹ Материал бесермянского диалекта удмуртского языка собран летом 2011 г. в ходе лингвистической экспедиции Отделения теоретической и прикладной лингвистики Филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в д. Шамардан Юкаменского района республики Удмуртия. Я хотел бы выразить глубокую благодарность всем носителям языка, от которых были получены приведённые в разделе примеры. Все ошибки лежат исключительно на моей совести.

² Термин «антецедент» используют, в частности, М. де Фриз [de Vries 2002] и Ю. А. Ландер [Ландер 2009]. В работах Э. Кинэна и Б. Комри [Keenan, Comrie 1977] используемому здесь термину «антецедент» соответствует термин «вершина». Э. Эндрюз [Andrews 2007] обозначает мишень и антецедент как, соответственно, NP_{rel} и NP_{mat}, т. е. ИГ в относительной клаузе и ИГ в главной клаузе

(2) Петя, который обычно спит до полудня, сегодня с утра работает.

В языках мира существуют различные способы построения относительных предложений. Принято выделять прототипический, или так называемый *канонический*, тип релятивизации, при котором относительная клауза является частью ИГ-антецедента [Nikolaeva 2005: 502]. Этот тип релятивизации, хотя, по всей видимости, и не универсален (ср. [Hale 1976]), всё же присутствует в том или ином виде в большинстве языков мира.

Среди канонических относительных конструкций особое значение для нас будут иметь конструкции с «внутренней вершиной» (КВВ). Отличительной особенностью этих конструкций является то, что относительная клауза сама по себе является аргументом главной клаузы и занимает позицию антецедента. Например, ср. следующий пример КВВ в японском языке:

японский

(3) Taroo wa [ringo ga sara no ue ni at-ta] no o
Таро TOP яблоко NOM тарелка GEN верх DAT быть-PRT NZR ACC
tot-te, poketto ni ire-ta
взять-CONV карман DAT положить-PRT

Таро взял яблоко, которое лежало на тарелке, и сунул его в карман. [Алпатов et al. 2008: 300]

Буквальное прочтение примера (3) даёт значение ‘Таро, взяв нахождение яблока на тарелке, сунул его в карман’, т. е. номинализация здесь выступает и как относительная клауза, и как ИГ-антецедент. ИГ-мишенью внутри относительной клаузы является ‘яблоко’, но эта функция никак не маркируется и может быть вычислена только из контекста.

Что касается неканонической релятивизации, то её наиболее распространённым и хорошо изученным видом является так называемая *коррелятивная конструкция* (КорК)³. Наиболее известным примером КорК является относительное предложение в языке хинди, ср. классический пример (4) из работы [Srivastav 1991]:

Хинди

(4) [jo laRkii khaRii hai] vo lambii hai
REL girl standing is DEM tall is
Та девушка, которая стоит, – высокая⁴.

В такой конструкции относительная клауза чаще всего находится или в самом начале, или в самом конце предложения. Мишень выражена местоимением или именной группой, обычно содержащей в себе относительное или указательное местоимение, но в некоторых языках вообще специально не маркированной; антецедент может быть выражен или указательным местоимением, или полной ИГ, но эта ИГ, как правило, обязательно должна содержать в себе демонстратив. Относительная клауза и антецедент не образуют составляющей.

Среди языков, в которых КорК распространена в качестве основной, можно назвать все остальные индоарийские языки, за исключением южного конкани, савраштра, и сингальского; дравидийские языки (каннада, малаялам, тамильский, телугу), бурушаски; древние индоевропейские языки (хеттский, ликийский, санскрит, авестийский, латинский,

³ В работе [Зализняк, Падучева 1975] такой тип конструкций назван «архаическим», что отражает тот факт, что коррелятивная конструкция является доминантной стратегией релятивизации в большинстве древних индоевропейских языков. Однако я буду пользоваться термином «коррелятивная конструкция» как более нейтральным и общепринятым в современной литературе.

⁴ “The girl who is standing is tall” [Srivastav 1991: 639]

староанглийский, древнерусский); некоторые современные славянские языки (болгарский, македонский, сербохорватский); бамана, баскский, кечуа, венгерский, тибетский, вальбири [Lipták 2009: 10–11].

Несмотря на то, что основной стратегией релятивизации в удмуртском бесермянском (подобно другим финно-угорским языкам) является причастная (см. I.9 «Системы причастий в марийском и пермских языках»), довольно широко употребляется также коррелятивная конструкция. В связи с этим вызывает сожаление, что в существующих грамматиках ей не уделялось достаточно внимания. Среди немногих исключений можно назвать венгерский язык [Lipták 2008]. О существовании коррелятивной конструкции в удмуртском языке упоминали многие учёные, но она ни разу не становилась объектом самостоятельного исследования. Примеры на данную конструкцию приводятся в очерке удмуртского языка В. И. Алатырева [Алатырев 1983: 590], однако формат краткого грамматического очерка не позволил исследователю остановиться на ней подробнее. В грамматике современного удмуртского языка [Алатырев 1974: 42–46] отмечается возможность использования соотносительных местоимений в главном предложении, однако не проводится последовательных различий между разными типами относительных предложений (в терминологии авторов – придаточных определительных). В работе Т. И. Тепляшиной, посвящённой удмуртскому бесермянскому [Тепляшина 1970], примеры на коррелятивную конструкцию отсутствуют, что естественно, т. к. данная работа посвящена исключительно вопросам фонетики и морфологии. В целом следует сказать, что существующие описания синтаксиса относительного предложения в удмуртском языке были выполнены на высоком для своего времени уровне, но их авторы не могли учитывать тех результатов, которых достигла теоретическая лингвистика в последние десятилетия.

В связи с этим очевидна необходимость подробного описания коррелятивной конструкции в удмуртском бесермянском с позиций современной лингвистической типологии. Кроме того, коррелятивная конструкция представляет интерес и с формально-теоретической точки зрения, поскольку, функционируя как относительное предложение, она отличается низкой степенью интеграции относительной клаузы в главную.

Кроме того, в удмуртском бесермянском интерес представляет и то обстоятельство, что наряду с коррелятивной конструкции в нём существует также конструкция с внутренней вершиной (КВВ), на поверхностном уровне практически неотличимая от коррелятивной: единственным поверхностным различием между этими двумя конструкциями является отсутствие указательного местоимения в главной клаузе в КВВ:

УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКИЙ)

(5) [kud-z-e vina-ez ton jarat-iš'ko-d], baš't-o
который-3-ACC вино-ACC ты любить-PRS-2SG купить -FUT

Я куплю то вино, которое ты любишь.

Одной из задач данного раздела является также обнаружение критериев, которые могли бы отличить одну конструкцию от другой.

Прежде чем приступить к описанию КорК и КВВ в бесермянском, необходимо сделать одно терминологическое замечание. Дело в том, что термин «антецедент», обозначающий ИГ/синтаксическую позицию в главной клаузе, к которой относится относительная клауза, не очень удобен для описания КорК. Это связано с тем, что, как мы увидим ниже, по ряду свойств отношение между «мишенью» и «антецедентом» в КорК напоминает анафорическое. Но с точки зрения теории анафоры, напротив, «антецедентом» должна называться линейно предшествующая ИГ, то есть «мишень», а «антецедент» должен называться «анафором». Чтобы избежать неоднозначности, я буду в дальнейшем называть ИГ-«антецедент» в КорК «коррелятом».

Кроме того, я буду называть зависимую клаузу в относительном предложении «относительной клаузой», а клаузу, в которую она вложена, – «главной клаузой». Термин «относительное предложение» будет всегда относиться ко всему предложению в целом.

Данный раздел построен следующим образом. В пункте 2 перечисляются основные свойства КорК и КВВ. В пункте 3 предлагается анализ обеих конструкций с точки зрения теории Лексико-функциональной грамматики. Наконец, в пункте 4 подводятся итог предшествующему обсуждению с указанием на то, какие факты функционирования КорК и КВВ в языке бесермян наиболее интересны с точки зрения лингвистической типологии и теории.

Следует заметить, что рассмотрение свойств КорК и КВВ, а также рассуждения об их структуре, в пункте 2 носят внетеоретический характер. Иными словами, даже в тех случаях, когда я позволяю себе предложить конкретную синтаксическую интерпретацию того или иного явления (например, структура составляющих в пункте 2.5), я намеренно использую только те понятия и критерии, которые общеприняты в лингвистической теории. Что касается пункта 3, то представленный там анализ, основанный на фактах, изложенных в пункте 2, выполнен в рамках теории Лексико-функциональной грамматики [Kaplan, Bresnan 1982; Bresnan 2001; Dalrymple 2001; Falk 2001].

2. Основные свойства коррелятивной конструкции и конструкции с внутренней вершиной в языке бесермян

Прежде чем перейти к характеристике КорК и КВВ в языке бесермян с точки зрения их синтаксических и семантических свойств, перечислим все существующие в данном языке стратегии релятивизации и укажем на их основные различия. В примере (6) даны перефразы одного и того же бесермянского предложения с использованием, соответственно, причастной (6а), финитной постпозитивной (6б), коррелятивной (6в) стратегий и стратегии с внутренней вершиной (6г)⁵.

- (6) а. [Kêk nunal zor-êš'] zor gêlt-i-z š'erêš'-ez.
два день идти.о.дожде-РТСР.АСТ дождь размыть-РРТ-3 дорога-АСС
- б. Zor [kud-iz zor-i-z kêk nunal] gêlt-i-z š'erêš'-ez.
дождь который-3 идти.о.дожде-РРТ-3 два день размыть-РРТ-3 дорога-АСС
- в. [Kud-iz zor zor-i-z kêk nunal], so gêlt-i-z š'erêš'-ez.
который-3 дождь идти.о.дожде-РРТ-3 два день тот размыть-РРТ-3 дорога-АСС
- г. [Kud-iz zor zor-i-z kêk nunal] gêlt-i-z š'erêš'-ez.
который-3 дождь идти.о.дожде-РРТ-3 два день размыть-РРТ-3 дорога-АСС
- Дождь, который шёл два дня, размыл дорогу.*

Несмотря на то, что на поверхностном уровне КорК (6в) и КВВ (6г) отличаются друг от друга, на первый взгляд, лишь наличием в (6в) и отсутствием в (6г) в главном предложении местоимения-коррелята, они имеют различные синтаксические структуры. В коррелятивной конструкции, как было сказано выше, относительная клауза представляет собой в известной степени независимое предложение, не являющееся само по себе актантом главной клаузы. Иными словами, относительная клауза в КорК не входит в одну ИГ с указательным местоимением-антецедентом.

Напротив, в КВВ относительное предложение само по себе занимает позицию аргумента главного предложения. Таким образом, составляющая-мишень и составляющая-антецедент формально совпадают, т. е. этот вид релятивизации является, в отличие от коррелятивной конструкции, каноническим.

⁵ Здесь и далее в примерах на относительные предложения я буду обозначать мишень полужирным, а антецедент/коррелят (если он выражен) – подчёркиванием.

Следует заметить, что все типы финитных относительных предложений в удмуртском бесермянском используют в качестве относительного местоимения вопросительное слово *kud-iz* ‘который-3’, которое представляет из себя не что иное, как вопросительное слово *kud* ‘какой’ в сочетании с посессивным показателем ([Алатырев 1983: 576], [Winkler 2001: 37]). П. Суйхконен [Suihkonen 2005: 412–417] объясняет использование посессивного показателя с этим местоимением рестриктивной функцией относительного местоимения. Действительно, в вопросительных предложениях *kudiz* используется для выбора из множества (‘который из...’); что касается релятивизирующей функции, то те конструкции, которые я буду рассматривать, всегда являются рестриктивными, т. е. также всегда предполагают выбор из множества. Кроме того, как отмечает Т. И. Тепляшина [Тепляшина 1970: 203], при употреблении с основной *kud* личных показателей множественного числа (*kudme*, *kudde*, *kudze*) данное местоимение получает значения ‘который из нас’, ‘который из вас’, ‘который из них’ соответственно.

Поскольку КорК и КВВ в удмуртском бесермянском имеют схожую форму, не всегда легко отличить их друг от друга на поверхностном уровне. В удмуртском бесермянском возможно нулевое выражение подлежащего, и поэтому возможность опущения указательного местоимения-коррелята сама по себе не является показателем того, что перед нами предложение с вложенной вершиной. Проблеме выяснения того, имеем ли мы здесь дело с одной стратегией или с двумя, будет посвящён отдельный пункт нашей работы (пункт 2.6). Большинство синтаксических свойств обеих конструкций совпадают, в связи с чем мы будем рассматривать их в большинстве случаев в совокупности. Таким образом, всякое утверждение о КорК относится также и к КВВ, если обратное не указано эксплицитно.

2.1. Позиции в иерархии синтаксических отношений, доступные для релятивизации

В удмуртском бесермянском для релятивизации при помощи КорК доступны все позиции в иерархии Кинэна-Комри [Keenan and Comrie 1977]:

подлежащее > прямое дополнение > не прямое дополнение > косвенное дополнение
> посессор > объект сравнения

Проиллюстрирую каждую из позиций иерархии примером:

- Подлежащее:

(7) [Kud-iz korka sâl-e mênam pumêt'-a-m], kwaška
 который-3 дом стоять-PRS.3SG я.GEN1 напротив-INESS/ILL-1 разваливаться
 p'i.
 уже
Дом, который стоит напротив моего, уже разваливается.

- Прямое дополнение:

(8) [Kud-z-e pios murt-ez mon až'-i], so deš'burjaš'k-i-z.
 который-3-ACC мужской человек-ACC я видеть-PRT тот здороваться-PRT-3
Мужчина (букв. «мужской человек»), которого я увидел, (со мной) поздоровался.

- Непрямое дополнение:

- (9) [Kud-iz-lê pânê-lê Ivan š'ot-i-z sil], so so-je kurč'-i-z.
 который-3-DAT собака-DAT Иван дать-PRT-3 мясо тот тот-ACC кусать-PRT-3
Собака, которой Иван дал мяса, его укусила.

- Косвенное дополнение:

- (10) [Kud-iz nêl punna pin'al'-l'os žug-iš'k-i-z-ê], mon so-je
 который-3 девушка из-за парень-PL бить-DETR-PRT-3-PL3 я тот-ACC
 až'-i.
 видеть-PRT
Я видел девушку, из-за которой ребята подрались.

- Посессор:

- (11) [Val-lêš' kud-iz-lêš' mon až'-i kuž'o-z-e], so so pal vož'
 конь-GEN2 который-3-GEN2 я видеть-PRT хозяин-3-ACC тот тот сторона луг
 vêl-ên vož'ma-š'k-e.
 на-INESS сторожить-DETR-PRS.3SG
Конь, хозяина которого я видел, пасётся на том лугу.

- Объект сравнения:

- (12) [Kud-iz-lêš' pimurt-lêš' Vas'a d'užât-ges], so žug-iš'k-e.
 который-3-GEN2 мальчик-GEN2 Вася высокий-CMPR тот бить-DETR-PRS.3SG
Мальчик, выше которого Вася, дерётся.

С точки зрения Иерархии доступности коррелятивная конструкция в бесермянском ведёт себя так, как это ожидается с точки зрения типологии: во всех языках, где подобные конструкции зафиксированы, выбор мишени практически ничем не ограничен (ср. [Лютикова 1999: 463]: «...ИГ первой и второй предикации могут сколь угодно глубоко спускаться по синтаксическому дереву – пары соотносительных местоимений исключают возникновение референциальной неоднозначности»).

2.2. Семантика

Относительная клауза в КорК может носить только рестриктивный характер. Это видно из того, что при употреблении в этой конструкции имён собственных они всегда интерпретируются как свойства объектов (т.е. обозначают признак «носить имя X», а не реферируют непосредственно к X-у):

- (13) ?? [Kud-iz-lê Pet'a-lê mon vož-m-e pot-i], so pegž'-i-z.
 который-3-DAT Петя-DAT я зелёный-1-ACC выйти-PRT тот убежать-PRT-3
Тот Петя, на которого я рассердился, убежал.

В работах А. Гросу и Ф. Ландмана [Grosu, Landman 1998] высказано предположение, что КорК относится к особому, третьему семантическому классу относительных конструкций, который они называют «максимализирующим» (maximalizing). Согласно определению этих исследователей, в максимализирующей конструкции референция ИГ-антецедента обязательно распространяется на всё множество объектов, задаваемое относительной клаузой. Таким образом, максимализирующая конструкция обладает тремя основными свойствами. Во-первых, в такой конструкции, как правило, возможно использование единственного числа ИГ-мишени в зависимой клаузе в универсальном значении. Во-вторых, имеются ограничения на референциальный статус определяемого

имени: он может быть либо определённым, либо универсальным, но не может быть неопределённым.

В то же время в удмуртском бесермянском при употреблении в относительной клаузе ИГ единственного числа универсальная интерпретация невозможна (ср. пример 10, не имеющий интерпретации *‘Я видел всякую девушку, из-за которой подрались ребята’). Возможно, это связано с особенностями семантики форм числа в этом диалекте⁶.

Что касается референциального статуса ИГ-коррелята, то КорК и КВВ в бесермянском оформляют, во-первых, определённые именные группы (4в-г), во-вторых, могут оформлять ИГ с универсальным референциальным статусом, при этом универсальное кванторное слово *vič'ak* находится внутри именной группы в относительном предложении:

- (14) [Kud-jos-ez-lê vič'ak pin'al'-l'os-lê mon vož-m-e pot-i],
который-PL-3-DAT все ребёнок-PL-DAT я зелёный-1-ACC выйти-PRT
so-os pegž'-i-z-ê.
тот-PL убежать-PRT-3-PL

Все ребята, на которых я рассердился, убежали.

Этот факт весьма интересен для типологии коррелятивных конструкций: насколько мне известно, примеры вроде (14) в такого рода конструкциях обычно не допускаются. Так, использование кванторных слов внутри ИГ-мишени невозможно в лугово-восточном марийском и шокшинском мордовском (см. раздел I.10 «Финитные относительные предложения в марийском и эрзя-мордовском языках»).

При этом важно заметить, что ‘все’ здесь семантически относится именно к ИГ-корреляту, то есть значение примера (6) состоит в том, что убежало всё множество ребят, на которых рассердился говорящий, а не в том, что говорящий рассердился на всех ребят (в некотором контексте), и те убежали.

Таким образом, семантика КорК в удмуртском бесермянском в принципе удовлетворяет определению Гросу и Ландмана, в соответствии с которым КорК в данном диалекте является максимализирующей, подобно КорК в некоторых других языках мира (например, в индоарийских).

2.3. Порядок слов внутри ИГ-мишени

Относительное местоимение и определяемая ею ИГ-мишень могут находиться в свободном порядке друг относительно друга (15). Не допускается только отделение относительного местоимения от имени-вершины (16).

- (15) [Mon pin'al-lê kud-iz-lê vož-m-e pot-i], so pegž'-i-z.
я ребёнок-DAT который-3-DAT зелёный-1-ACC выйти-PRT тот убежать-PRT-3
Мальчик, на которого я рассердился, убежал.

- (16) * [Pin'al-lê mon kud-iz-lê vož-m-e pot-i], so pegž'-i-z.
мальчик-DAT я который-3-DAT зелёный-1-ACC выйти-PRT тот убежать-PRT-3
Тот мальчик, на которого я рассердился, убежал.

Однако в случае, если ИГ-мишень содержит прилагательное (17) или квантификатор (18), или если мишень является частью послеложной группы (19), порядок слов становится жёстким: относительное местоимение должно находиться слева от вершины.

⁶ Об употреблении форм числа в данном диалекте см. раздел I.4 «Категория числа существительного в марийском и пермских языках».

(17) а. [Kud-iz-lê pič'i pin'al-lê mon vož-m-e pot-i], so
который-3-DAT маленький мальчик-DAT я зелёный-1-ACC выйти-PRT тот

pegž'-i-z.

убежать-PRT-3

Маленький мальчик, на которого я рассердился, убежал.

б. * [Pič'i pin'al-lê kud-iz-lê mon vož-m-e pot-i],
маленький ребёнок-DAT который-3-DAT я зелёный-1-ACC выйти-PRT

so pegž'-i-z.

тот убежать-PRT-3

(Маленький мальчик, на которого я рассердился, убежал.)

(18) а. [Kud-jos-ez-lê vič'ak pin'al'-l'os-lê mon vož-m-e pot-i],
который-PL-3-DAT все ребёнок-PL-DAT я зелёный-1-ACC выйти-PRT

so-os pegž'-i-z-ê.

тот-PL убежать-PRT-3-PL

Все ребята, на которых я рассердился, убежали.

б. * [Vič'ak pin'al'-l'os-lê kud-jos-ez-lê mon vož-m-e pot-i],
все ребёнок-PL-DAT который-PL-3-DAT я зелёный-1-ACC выйти-PRT

so-os pegž'-i-z-ê.

тот-PL убежать-PRT-3-PL

(Все ребята, на которых я рассердился, убежали.)

(19) а. [Kud-iz-len l'esn'ik-len bərš'a-z Vas'a mən-e val],
который-3-GEN1 лесник-GEN1 вслед-3 Вася идти-PRS.3SG быть.PRT

so ž'og dugd-i-z.

тот резко остановиться-PRT-3

Лесник, за которым шёл Вася, резко остановился.

б. * [L'esn'ik-len kud-iz-len bərš'a-z Vas'a mən-e
лесник-GEN1 который-3-GEN1 вслед-3 Вася идти-PRS.3SG

val], so ž'og dugd-i-z.

быть.PRT тот резко остановиться-PRT-3

Лесник, за которым шёл Вася, резко остановился.

Из примера (15) также видно, что ИГ-мишень может находиться в любом месте внутри предложения, чаще всего на том же месте, на котором находится ИГ в соответствующей функции в простом утвердительном предложении при немаркированном порядке слов. В этом смысле ИГ-мишень ведёт себя так же, как вопросительные слова, за которыми, так же как и за другими фокусными составляющими, в бесермянском не закреплено специальной структурной позиции. На это указывает тот факт, что вопросительные слова в этом языке не выносятся влево, а остаются *in situ* (ср. тж. [Winkler 2001: 67] для литературного удмуртского):

- (20) Tin'n'ad dor-a-d-ê kin'-os wan'?
- вы.DMS.ILL/INESS около-ILL/INESS-2-PL кто-PL быть
- Кто у вас (дома)?* (электронный словарь удмуртского бесермянского, <http://languedoc.philol.msu.ru/~beserman/>)

Таким образом, в бесермянском нет причин видеть асимметрию между ИГ-мишенью и другими ИГ на уровне структуры составляющих.

2.4. Согласование относительного местоимения и вершины ИГ-мишени в падеже и числе

Характерной особенностью коррелятивной конструкции является согласование относительного местоимения и вершины ИГ-мишени в числе и падеже (20). В целом для удмуртского бесермянского согласование определения в ИГ не характерно, однако оно возникает, помимо КорК, и в некоторых других случаях (см. ниже).

- (21) [Kud-jos-ez-lê pin'al'-l'os-lê mon vož-m-e pot-i], so-os
- который-PL-3-DAT ребёнок-PL-DAT я зелёный-1-ACC выйти-PRT тот-PL
- pegž'-i-z-ê.
- бегать-PRT-3-PL

Ребята, на которых ты рассердился, убежали.

То, что это именно согласование в рамках одной ИГ, а не две разные ИГ, подтверждается примерами с послелогом (22)–(23). Из этих примеров видно, что послелог может присоединяться только к имени-вершине. В случае двух ИГ ожидалось бы, что послелог присоединяется как к имени-вершине, так и к относительному местоимению *kudiz* ‘который’, которое было бы отдельной составляющей.

- (22) [Kud-iz-len l'esnik-len bəřš'a-z mon mən-iš'ko val], ž'og
- который-3-GEN1 лесник-GEN1 вслед-3 я идти-PRS быть.PRT резко
- dugd-i-z.
- остановиться-PRT-3

Лесник, за которым я шёл, резко остановился.

- (23) [Kud-iz (*punna) nêl punna pin'al'-l'os žug-iš'k-i-z-ê], mon so-je
- который-3 из-за девушка из-за ребёнок-PL бить-DETR-PRT-3-PL я тот-ACC
- až'-i.
- видеть-PRT

Я видел девушку, из-за которой подрались ребята.

Когда местоимение *kudiz* ‘который’ употребляется в собственно вопросительных предложениях, согласование также является обязательным:

- (24) Kud-iz-len/*kud-iz nêl-len bəřš'a-z ton tolon vel't'-i-d
- который-3-GEN1/который-3 девушка-GEN1 вслед-3 ты вчера идти-PRT-2
- č'ašš'a-je?
- лес-ILL

За которой девушкой (из нескольких) ты вчера ходил в лес?

Кроме местоимения *kudiz*, в бесермянском не встречается ни одного случая, где согласование приименного атрибута с вершиной было бы обязательным (за исключением

квантификатора *kot'-kud-iz* 'любой', который как раз содержит в себе *kudiz*). Чаще всего согласуется с именем квантификатор *vič'ak* 'все':

(25) So **vič'ak-s-e** **jəl-z-e** ju-i-z.
тот все-3-ACC молоко-3-ACC пить-PRT-3

Он выпил все молоко. (раздел I.2 «Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках»)

Встречаются также примеры и на согласование прилагательных с именем-вершиной. Чаще всего это происходит в случаях, когда прилагательное отделяется от существительного при контрасте: в этом случае они не образуют одной составляющей, и наличие показателей числа и падежа объясняется тем, что перед нами просто две именные группы.

(26) **Č'orəg-z-e** š'i-i-z **zək-s-e,** **pič'i-z-e** kel'-t-i-z.
рыба-3-ACC есть-PRT-3 большой-3-ACC маленький-3-ACC оставаться-TR-PRT-3

Рыбу он съел большую, а маленькую оставил. (раздел I.2 настоящего издания)

Но встречаются и примеры, где прилагательное находится в обычной для него позиции, при отсутствии какой-либо контрастивности:

(27) So **vuzaz** **kəl'em-z-e** **kartoška-z-e.**
тот продавать-3 оставаться-NZR-3-ACC картошка-3-ACC

Он продал оставшуюся картошку. (раздел I.2 настоящего издания)

В грамматике литературного удмуртского языка [ГСУЯ:128] согласование прилагательного с существительным объясняют «выделительной» функцией прилагательного. При этом отмечается, что согласование возможно только в случае, если прилагательное содержит посессивный показатель. Относительное местоимение *kudiz* удовлетворяет этим требованиям: во-первых, оно имеет рестриктивную семантику, т. е. служит для выделения некоторого объекта из множества подобных; во-вторых, оно содержит в себе посессивный показатель. Поэтому согласование по числу и падежу для него естественно.

Проверить, входят ли прилагательное и существительное в примерах типа (27) в одну составляющую, довольно сложно: как видно из (26), прилагательное, несущее на себе показатели падежа и посессивности, в принципе может быть оторвано от определяемого имени, поэтому для примера (27) возможны две конфигурации:

so vuzaz [_{NP}kəl'emze kartoškaze]

so vuzaz [_{NP}kəl'emze] [_{NP}kartoškaze]

Если следовать принципу Оккама, второй анализ предпочтительнее, т. к., в отличие от первого, он пригоден не только для примеров типа (25), но и для примеров типа (26); в противном случае придётся постулировать для этих примеров две различные структуры⁷. С другой стороны, в том случае, когда согласование приименного зависимого с вершиной является обязательным, мы всё же имеем дело с одной ИГ, а не с двумя: местоимение *kudiz* не может быть оторвано от имени-вершины. Поэтому недостатком второго анализа является то, что, в то время как (25)–(27) объединяются в одну конструкцию, примеры с местоимением *kudiz* и (27) оказываются устроены различно, хотя в обоих случаях согласование налицо.

В отсутствие однозначных данных можно предположить следующее: согласование местоимения *kudiz* с именем-вершиной, а также, возможно, согласование в таких

⁷ Я исхожу из того, что структура составляющих должна удовлетворять принципу проективности, т.е. разрывные составляющие не допускаются.

примерах, как (25) и (27), является грамматикализацией конструкций типа (26), используемых в контрастивных контекстах. В ИГ с местоимением *kudiz* и в примерах типа (26) посессивный показатель и наличие согласования имеют уже не контрастивную функцию, а функцию выбора из множества. Кроме того, возможно, согласование в случае с *kudiz* связано и с тем, что оно, функционируя как вопросительное слово, находится в фокусе высказывания.

2.5. Структура составляющих

Несмотря на то, что во многих языках КорК демонстрирует некоторые свойства сочинения, в удмуртском бесермянском наблюдается ряд фактов, которые говорят о том, что эта конструкция является подчинительной. Прежде всего, относительная клауза может быть линейно вложена в главную клаузу:

- (28) *Korka-š'*, [kud-iz-lê pin'al-lê Vas'a vož-m-e pot-i-z], so
 дом-EL который-3-DAT ребёнок-DAT Вася зелёный-1-ACC выйти-PRT-3 тот
 pegž'-i-z.
 убежать-PRT-3

Мальчик, на которого Вася рассердился, убежал из дома.

Более того, имеются примеры, внешне напоминающие коррелятивную конструкцию, в которых относительная клауза находится в постпозиции к главной:

- (29) So pegž'-i-z, [kud-iz-lê pin'al-lê mon vož-m-e pot-i].
 тот убежать-PRT-3 который-3-DAT мальчик я зелёный-1-ACC выйти-PRT
Мальчик, на которого я рассердился, убежал.

На первый взгляд, данные примеры также относятся к КорК. Однако в работе [de Vries 2002] обосновывается необходимость отличать коррелятивную конструкцию от конструкции с внешней вершиной, в которой относительная клауза вынесена вправо (*detached*). По мнению исследователя, в КорК относительная клауза должна всегда находиться слева от главной, в противном случае это не КорК, а конструкция с выносом относительной клаузы вправо. В некоторых языках, например в осетинском [Беляев 2010], КорК может быть линейно вложена в главную, но указательное местоимение, маркирующее роль-антецедент, обязательно должно находиться справа от относительной клаузы. Поэтому, если бы удалось доказать, что такие примеры, как (29), также представляют собой коррелятивную конструкцию, этот факт представлял бы большой интерес с типологической точки зрения.

Однако, по всей видимости, в бесермянском такие примеры, как (29), нельзя отнести к коррелятивной конструкции. Это подтверждается следующим фактом: если относительная клауза вложена внутрь главной (как в (28)), то указательное местоимение обязательно должно следовать за относительной клаузой:

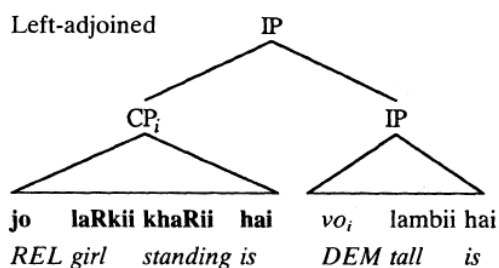
- (30) * so pegž'-i-z, [kud-iz-lê pin'al-lê mon vož-m-e pot-i],
 тот убежать-PRT-3 который-3-DAT ребёнок-DAT я зелёный-1-ACC выйти-PRT
 korka-š'.
 дом-EL

(Тот мальчик, на которого я рассердился, убежал из дома.)

То есть, ограничения на линейную позицию относительной клаузы в КорК в бесермянском в целом те же, что и в осетинском языке. Поскольку в (29) эти ограничения не соблюдаются, эта конструкция не является коррелятивной⁸.

Таким образом, ограничения на линейный порядок клауз связаны исключительно с требованием постпозиции указательного местоимения, а возможность гнездования (28) говорит о подчинительной природе КорК. Поэтому для неё не подходит структура, предложенная в [Srivastav 1991]: относительная клауза присоединяется к главной на уровне CP. Такой анализ заведомо не допускает гнездования и поэтому не может быть принят для удмуртского бесермянского.

Рисунок 1. Структура КорК в хинди по [Srivastav 1991]

Случаи, когда коррелятивная клауза оказывается линейно вложена в главную, встречаются и в хинди [Bhatt 2003]. По мнению Р. Бхатта, коррелятивная клауза не порождается на левой периферии главной клаузы, но передвигается туда в результате выноса из ИГ. Таким образом, исходная структура коррелятивной конструкции по Р. Бхатту выглядит примерно как (28), с тем отличием, что коррелятивная клауза и указательное местоимение образуют одну составляющую.

Большинство аргументов, приводимых Р. Бхаттом в пользу своего анализа, являются внутритеоретическими, т. е. опираются на базовые положения минималистского синтаксиса. Достаточно сказать, что само понятие передвижения имеется далеко не во всех лингвистических теориях. Но даже если не постулировать трансформацию, выносящую относительную клаузу на левую периферию, придётся, по-видимому, признать, что в языке хинди примеры вроде (28) действительно имеют иную структуру, нежели примеры вроде (6в) (т.е. «каноническая» КорК). Дело в том, что относительная клауза и указательное местоимение не отрываются друг от друга и образуют составляющую, если коррелятивная клауза вложена в главную, но разрываются, если она находится на левой периферии.

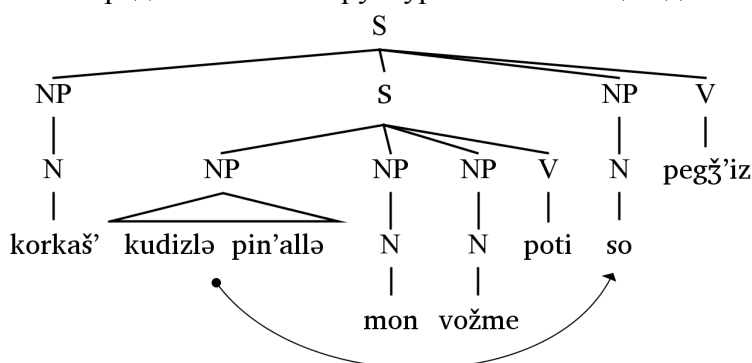
Что касается удмуртского бесермянского, то здесь возможность отделить указательное местоимение от коррелятивной клаузы имеется во всех случаях. Тем не менее это нельзя считать достаточным критерием: ситуация, когда вершина и её зависимые линейно разорваны – в этом диалекте явление нередкое. Но есть и дополнительный аргумент против применения анализа Р. Бхатта к бесермянскому. А именно, если в языке имеется два класса примеров, которые обладают одинаковой семантикой и чьё поведение регулируется одними и теми же правилами (требование постпозиции указательного местоимения, согласование относительного местоимения, доступные позиции для релятивизации, см. тж. ниже другие свойства), то более экономным решением представляется считать эти два класса примеров частными случаями одной и той же конструкции, а не видеть здесь две различные синтаксические конфигурации (связанные или не связанные трансформационно). Чтобы доказать

⁸ В принципе, в языках с КорК похожие ситуации нередки. Так, в работе [Srivastav 1991] показано, что в хинди конструкции, в которых относительная клауза вынесена вправо, по ряду свойств отличаются от коррелятивных, несмотря на внешнее сходство.

обратное, необходимы очень веские аргументы, которых на материале удмуртского бесермянского мне обнаружить не удалось.

В таком случае, какую же структуру следует постулировать для КорК? Прежде всего замечу, что я исхожу из того, что если в языке наблюдается свободный порядок составляющих внутри клаузы, то по умолчанию его следует считать неконфигурационным, если не доказано обратного. Иначе говоря, принцип УТАН (Uniformity of Theta-Assignment Hypothesis, [Baker 1988]) для таких языков не действует: семантическая роль той или иной составляющей не следует непосредственно из её позиции в дереве. Если принять, что удмуртский бесермянский не является конфигурационным, то коррелятивная клауза оказывается в той же позиции, что и другие составляющие главной клаузы, т. е. в непосредственном подчинении узлу S (рис. 2)⁹.

Рисунок 2. Предполагаемая структура составляющих для КорК в языке бесермян

При этом следует заметить, что для предложенного здесь и в пункте 3 анализа неконфигурационность удмуртского бесермянского не является принципиальным условием. Иначе говоря, если удастся доказать, что в этом языке имеется асимметрия между подлежащим и прямым дополнением на уровне структуры составляющих, не составит труда адаптировать данный анализ к такой структуре – тогда зависимая клауза будет адьюнктом к IP. Однако, поскольку структура клаузы в бесермянском пока систематически не исследовалась, я предполагаю для неё наиболее «нейтральную» форму.

2.6. Опускание указательного местоимения в главной клаузе

В большинстве относительных предложений обсуждаемого типа ИГ-мишени в зависимой клаузе соответствует указательное местоимение *so* в главной клаузе. В таких случаях очевидно, что относительное предложение относится к классу КорК (за исключением правой дислокации относительной клаузы, ср. (29)). В то же время в некоторых случаях в удмуртском бесермянском указательное местоимение может опускаться, и тогда неясно, что перед нами: КВВ или КорК.

Отличительной особенностью КВВ является то, что в такой конструкции относительная клауза сама по себе занимает позицию антецедента в главной клаузе. В коррелятивной же конструкции относительная клауза вынесена за пределы главной, и соответствие между ролями осуществляется посредством указательного местоимения. Как было показано выше, с точки зрения структуры составляющих обе конструкции идентичны, т. к. обе могут быть линейно вложены в главную клаузу. Единственным критерием разграничения двух конструкций может являться, таким образом, возможность опущения указательного местоимения. Рассмотрим случаи, когда такое опущение возможно.

⁹ Это, помимо прочего, означает, что стандартные тесты на границы составляющих не позволяют отличить КорК от КВВ, т. к. с точки зрения структуры составляющих позиция КорК совпадает с позициями аргументов и адьюнктов главной клаузы (в которых находится КВВ).

Во-первых, опустить указательное местоимение, по-видимому, можно всегда, когда антецедент является подлежащим (31). Это связано с тем, что в бесермянском языке возможно нулевое выражение подлежащего (т. н. pro drop).

- (31) [L'esn'ik-len kud-iz-len bəř's'a-z mon mən-iš'k-o val], ž'og
 лесник-GEN1 который-3-GEN1 вслед-3 я идти-PRS-1 быть.PRT резко
 dugd-i-z.
 остановиться-PRT-3
Лесник, за которым я шёл, резко остановился.

Но в тех случаях, когда ИГ-антецедент занимает любую другую синтаксическую роль, опущение указательного местоимения возможно (или, во всяком случае, значительно более приемлемо) в том случае, если оформление ИГ-мишени и ИГ-антецедента совпадает. Например:

- (32) а. [Kud-jos-ez pin'al'-l'os ləkt-i-z-ə], mon so-os-tə až'i
 который-PL-3 ребёнок-PL прийти-PRT-3-PL я тот-PL-ACC.PL видеть-PRT
Я видел тех ребят, которые пришли.
- б. * [Kud-jos-ez pin'al'-l'os ləkt-i-z-ə], mon až'i
 который-PL-3 ребёнок-PL прийти-PRT-3-PL я видеть-PRT
(Я видел тех ребят, которые пришли.)

- (33) а. [Kud-z-e vina-ez ton jarat-iš'ko-d], mon so-je baš't-o.
 который-3-ACC вино-ACC ты любить-PRS-2 я тот-ACC купить-FUT
Я куплю то вино, которое ты любишь.
- б. [Kud-z-e vina-ez ton jarat-iš'ko-d], mon baš't-o.
 который-3-ACC вино-ACC ты любить-PRS-2 я купить-FUT
Я куплю то вино, которое ты любишь.

В (32) мишень является подлежащим, антецедент – прямым дополнением; именно поэтому использование указательного местоимения оказывается обязательным. В (33), напротив, и мишень, и антецедент являются прямыми дополнениями, и поэтому опущение указательного местоимения возможно. Этот эффект широко известен для безвершинных относительных предложений и называется в синтаксической литературе *эффектом совпадения* (matching effect) [Groos, van Riemsdijk 1981]. Из близкородственных удмуртскому языков аналогичный эффект обнаружен в лугово-восточном марийском (см. раздел I.10 настоящего издания). В коррелятивной конструкции такой эффект, в принципе, не ожидается¹⁰, как не ожидается и вообще возможность опущения указательного местоимения (кроме позиции субъекта), поскольку в этом случае теряется возможность идентификации роли-антецедента. В то же время для конструкций с внутренней вершиной такое поведение естественно, поскольку в них ИГ-мишень, можно сказать, оказывается употреблённой в двух различных функциях: в качестве аргумента главной клаузы и в качестве аргумента относительной клаузы.

По этой причине можно, на мой взгляд, считать, что такие примеры, как (33), позволяют чётко противопоставить КорК и КВВ: первая имеет место в случае использования указательного местоимения, последняя – в случае его опущения. При этом

¹⁰ Единственный известный мне пример эффекта совпадения в коррелятивной конструкции – это временные и местные коррелятивы в хинди [Bhatt, Lipták 2009], но даже в этом языке данный эффект не распространяется на другие типы коррелятивной конструкции.

в таких примерах, как (32), возможно только употребление КорК. В случае, если antecedent является подлежащим, две конструкции отличить друг от друга практически невозможно. Исключение составляют случаи, когда относительная клауза находится в постпозиции к главной – как показано выше, такие примеры не могут представлять собой КорК, а если в главной клаузе при этом употребляется указательное местоимение, то это всего лишь свидетельствует о выносе относительной клаузы в крайне правую позицию.

2.7. Необязательность кореферентности «мишени» и «антецедента»

Наряду с описанными выше случаями, когда указательное местоимение в главной клаузе, занимающее позицию антецедента, может быть опущено, встречаются также значительно более необычные примеры, в которых какая-либо связь между именной группой, маркированной вопросительно-относительным местоимением, и позицией в главной клаузе, вообще отсутствует (я буду называть подобные примеры «абсолютными» КорК). Например:

- (34) [Kud-iz-len P'esn'ik-len bəřš'a-z Vas'a mən-e val], ž'og
 который-3-GEN1 лесник-GEN1 вслед-3 Вася идти-PRS.3SG быть.PRT резко
 dugd-i-z
 остановиться-PRT-3

а. Лесник, за которым шёл Вася, быстро остановился.

б. Вася шёл вслед за (каким-то) лесником и быстро остановился.

Пример (34) может быть интерпретирован двояко. Наиболее привычной является его интерпретация как коррелятивной конструкции с опущенным указательным местоимением в главной клаузе (благо, позиция-антецедент – подлежащее, и в этом случае такое опущение возможно). Но ряд носителей языка считают кореферентность ИГ-мишени (*kudizlen lesniklen*) и роли субъекта в главной клаузе необязательной для адекватного понимания (34) и подобных примеров¹¹. Более того, иногда именно отсутствие какого-либо типа кореферентности является наиболее естественным пониманием, т. к. для коррелятивной конструкции всё же в целом характерно использование указательного местоимения. При этом буквальный перевод (34), обычно предлагаемый носителем, звучит как «За которым лесником он шёл, Вася остановился». Этот перевод не является грамматически правильным с точки зрения русского языка, и поэтому судить о семантике такого рода построений затруднительно. По-видимому, «относительная» клауза вообще не имеет здесь относительной функции, а ведёт себя как нечто вроде обстоятельственного придаточного, а вопросительное местоимение *kudiz* выполняет функцию выбора из множества, рестриктивности (как прокомментировал пример (34) носитель языка, «лесников было несколько, а Вася шёл за одним из них»). В независимом предложении такая функция у местоимения *kudiz* в удмуртском бесермянском, однако, невозможна¹².

Всё это говорит о том, что в общем случае функция т. н. «коррелятивной» конструкции в удмуртском бесермянском шире, чем собственно релятивизация. Такая интерпретация фактов довольно естественна, если считать, вслед за некоторыми исследователями [Givón 2009: 97-120], что коррелятивные конструкции в языках мира

¹¹ Это не противоречит закономерностям, описанным в предыдущем пункте. Там рассматривались правила, регулирующие опущение указательного местоимения в случае соотнесения ролей в главной и зависимой клаузах. Напротив, здесь я рассматриваю примеры (довольно редкие), в которых «коррелятивная» клауза вообще не несёт относительной функции.

¹² Но такая функция у этого местоимения, по-видимому, существует в удмуртском литературном языке: «Местоимение *kudiz* употребляется ещё в значении «иной, некоторый, одни» [ГСУЯ: 178]. Скорее всего, коррелятивная конструкция развилась именно из этой функции местоимения *kudiz*, утраченной в бесермянском диалекте, но сохранившейся в литературном удмуртском.

обычно возникают из паратаксиста, т. е. из соположения двух клауз (*какой-то человек пришёл, я его видел* → *я видел того человека, который пришёл*). Тогда на ранней стадии грамматикализации таких конструкций кореферентность «мишени» и «коррелята» вполне может быть факультативной. Конечно, подобные примеры с отсутствием кореферентности встречаются довольно редко, т. к. с функциональной точки зрения использование «коррелятивной» клаузы здесь избыточно: её вполне может заменить обстоятельственное придаточное или сочинённая клауза. Но сама возможность использования таких примеров не должна восприниматься как нечто аномальное. Синхронное описание для них будет представлено в следующем пункте.

3. Анализ

В данном пункте будет предложен анализ коррелятивной конструкции и конструкции с внутренней вершиной в языке бесермян с точки зрения теории Лексико-функциональной грамматики (ЛФГ). Однако прежде чем перейти к формализации описанных в данном разделе явлений, я рассмотрю основные особенности данной теории и опишу те свойства синтаксиста удмуртского бесермянского, из которых я буду исходить в дальнейшем изложении.

3.1. Теория Лексико-функциональной грамматики: основные понятия

Теория ЛФГ была предложена Р. Капланом и Дж. Бреснан [Kaplan, Bresnan 1982] и относится к формальным генеративным теориям языка, т. е. ставит своей целью такое описание языковой компетенции говорящего, используя которое, для любого предложения естественного языка можно определить его грамматическую правильность. В основе этой теории лежат следующие идеи¹³.

Прежде всего, в отличие от единой репрезентации синтаксической структуры предложения (или нескольких структур, связанных отношениями деривации), принятой в хомскианской традиции, синтаксист в Лексико-функциональной грамматике включает в себя два компонента: структуру составляющих (с-структуру) и функциональную структуру (f-структуру). С-структура представляет собой классическое дерево составляющих, порождаемое при помощи контекстно-свободных правил, причём границы составляющих в работах по Лексико-функциональной грамматике, как правило, определяются на основании известных синтаксических критериев [Гестелец 2001: 129-142; Carnie 2010: 17-21]. В то же время в большинстве работ в рамках Лексико-функциональной грамматики в качестве системы аннотации узлов принимается модифицированный вариант стандартной X'-теории, в котором бинарное ветвление не является строгим требованием (то есть допускается более одного комплемента, более одного спецификатора, а также наличие в неконфигурационных языках узла S, непосредственно доминирующего над всеми актантами и сирконстантами клаузы).

F-структура представляет собой множество пар «функция – значение», причём значением некоторой функции может быть другая f-структура или множество f-структур (при помощи множества f-структур описываются адьюнкты, а также сочинительные структуры). На f-структуру теория накладывает ряд ограничений. Наиболее важными являются ограничения, задаваемые принципами *полноты* (completeness) и *связности* (coherence). Принцип полноты гласит, что всякая f-структура должна содержать f-структуры для всех зависимых, присутствующих в модели управления предиката. Принцип связности гласит, что всякая зависимая f-структура должна заполнять некоторую валентность предиката. Соответствия между с-структурой и f-структурой принято задавать при помощи *функциональных аннотаций* узлов с-структуры. В функциональных аннотациях принято использовать метапеременные ↓ и ↑, означающие, соответственно, f-

¹³ Единственной известной мне работой на русском языке, в которой подробно рассматривается формализм ЛФГ, является статья [Казенин 2002]. Далее я буду по возможности следовать переводам терминов ЛФГ на русский язык, предложенным К. И. Казениным.

структуру для данного узла и f-структуру для узла, доминирующего над ним. Наиболее частый вид функциональных аннотаций – *определяющие уравнения* (defining equation). Определяющие уравнения имеют вид $p = q$, например, « $(\uparrow \text{SUBJ}) = \downarrow$ »¹⁴ означает, что f-структура, соответствующая данному узлу, находится в позиции подлежащего в вышестоящей f-структуре. F-структура вершины, как правило, унифицируется с f-структурой вышестоящего узла при помощи уравнения $\uparrow = \downarrow$. F-структурой некоторого предложения считается минимальная f-структура, удовлетворяющая всем определяющим уравнениям с-структуры данного предложения. Помимо определяющих уравнений, выделяют также *ограничивающие аннотации* (constraining annotations), которые применяются уже к f-структуре, получившейся в результате применения определяющих уравнений. Ограничивающие аннотации могут быть уравнениями (например, $(f \text{SUBJ PERS}) =_c 3$, означает, что подлежащее должно быть 3 лица) или же экзистенциальными ограничениями (например, $(f \text{SUBJ})$ означает, что в f-структуре f должно содержаться подлежащее).

Аннотируются все узлы дерева, включая терминальные; аннотации для терминальных узлов (т. е. для словоформ) предоставляются морфологическим модулем грамматики (или лексиконом).

Важная особенность формализма ЛФГ состоит в том, что на уровне f-структуры одна и та же подструктура может находиться в двух местах одновременно. Речь идёт не о копировании структуры, а именно об общности структуры (structure sharing). Действительно, правила аннотации позволяют это: такая пара правил, как $(\uparrow \text{TOPIC}) = \downarrow$ и $(\uparrow \text{SUBJ}) = \downarrow$ может быть удовлетворена только в том случае, если f-структура, соответствующая аннотируемому узлу, находится в позициях топика и субъекта одновременно. При графическом изображении f-структуры общность структуры условно обозначается линией, соединяющей две позиции в f-структуре. Некоторые исследователи [Kaplan, Wedekind 1993; Falk 2010] также допускают возможность *частичной* общности структуры, т. е. той ситуации, когда только часть некоторой f-структуры присутствует в двух местах одновременно. Аннотируют частичную общность следующим образом: например, $f = g \setminus R$ означает, что f-структуры f и g являются полностью общими, за исключением признака R f-структуры g . Обе эти возможности я буду использовать в дальнейшем изложении.

Проиллюстрирую принципы соответствия с-структуры и f-структуры на примере упрощённых¹⁵ правил для порождения структуры простого предложения в английском языке, а также лексических входов для слов *John*, *David*, *has* и *seen*:

¹⁴ Скобки здесь означают, в соответствии с общепринятым употреблением, то, что SUBJ является функцией

\uparrow .

¹⁵ Например, я оставляю за скобками то, как выбирается правильная форма глагола в узле V в зависимости от вспомогательного глагола в узле I (ср. *he has done*, *he is doing*, **he has doing*).

$$IP \rightarrow \begin{matrix} NP \\ (\uparrow_{SUBJ})=\downarrow \end{matrix} \quad \begin{matrix} I' \\ \uparrow=\downarrow \end{matrix}$$

$$I' \rightarrow \begin{matrix} I \\ \uparrow=\downarrow \end{matrix} \quad \begin{matrix} VP \\ \uparrow=\downarrow \end{matrix}$$

$$VP \rightarrow \begin{matrix} V \\ \uparrow=\downarrow \end{matrix} \quad \begin{matrix} NP \\ (\uparrow_{OBJ})=\downarrow \end{matrix}$$

$$NP \rightarrow \begin{matrix} N \\ \uparrow=\downarrow \end{matrix}$$

John N (↑ PRED) = 'John'
(↑ PERS) = 3
(↑ NUM) = SG

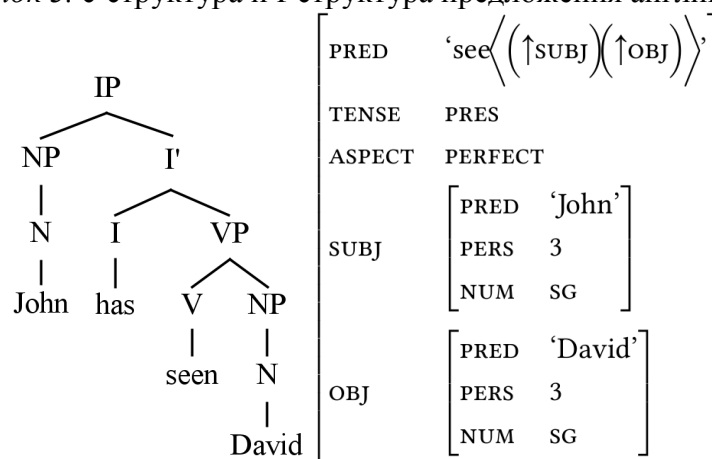
David N (↑ PRED) = 'David'
(↑ PERS) = 3
(↑ NUM) = SG

has I (↑ ASPECT) = PERFECT
(↑ TENSE) = PRES
(↑ SUBJ PERS) =_c 3
(↑ SUBJ NUM) =_c SG

seen V (↑ PRED) = 'see' (↑ SUBJ) (↑ OBJ)'

Первые два правила отражают то, что неформально можно обозначить следующим образом: в английском языке подлежащее является спецификатором IP, прямое дополнение – компонентом VP. Применяя правила к предложению *John has seen David*, получаем следующие с-структуру и f-структуру:

Рисунок 3. с-структура и f-структура предложения английского языка

Наряду с с-структурой и f-структурой, исследователи, работающие в рамках ЛФГ, предполагают существование и других структур, параллельных представленным двум: аргументной структуры (а-структуры), информационной структуры (i-структуры), семантической структуры (s-структуры), морфосинтаксической структуры, фонологической структуры и т. п. Таким образом, модель ЛФГ описывает не только синтаксис, но и все остальные языковые уровни. В данной работе я буду предполагать наличие только классических структур, признаваемых всеми исследователями, – структуры составляющих, функциональной структуры и аргументной структуры; также

иногда (для описания анафорических отношений) я буду апеллировать к семантической структуре, хотя формализация семантики сложных предложений выходит за рамки данного раздела.

Кроме того, в отличие от большинства других вариантов генеративной грамматики, в ЛФГ отсутствуют трансформации. Процессы актантной деривации, такие как пассивизация, считаются лексическими преобразованиями аргументной структуры предиката, происходящими на морфологическом уровне; такие явления, как вопросительный вынос, описываются через общность структуры, т. е. считается, что одна и та же f-структура занимает вопросительную и ролевую позиции одновременно. Наконец, все варианты ЛФГ признают лексикалистский принцип (*lexical integrity*) в различных вариантах; это означает, помимо прочего, что морфология существует отдельно от синтаксиса, и словоформы поступают в с-структуру уже полностью сконструированными и размеченными.

Теперь сформулирую те базовые особенности синтаксиса удмуртского бесермянского, из которых я буду исходить в дальнейшем изложении.

3.2. Предпосылки

Во-первых, как уже упоминалось выше, учитывая тот факт, что в удмуртском бесермянском порядок слов внутри клаузы является свободным, в отсутствие аргументов в пользу обратного я буду считать, что данный язык является неконфигурационным¹⁶. Это значит, что с-структура предложения в этом диалекте состоит из узла S, которому непосредственно подчинены все составляющие клаузы – актанты и сирконстанты, а также предикат. В рамках ЛФГ из этого следует, что в упрощённом виде правило фразовой структуры для простого предложения для неконфигурационных языков (в том числе, предположительно, для удмуртского бесермянского) выглядит следующим образом (ср. анализ языка вальбири в [Austin, Bresnan 1996]):

$$(35) S \rightarrow \left\{ \begin{array}{l} \text{NP} \\ (\uparrow\text{GF})=\downarrow \end{array} \mid \text{V} \right\}^*, \text{GF} \equiv \{\text{SUBJ} \mid \text{OBJ} \mid \text{OBJ}_\theta \mid \text{COMP} \mid \text{XCOMP} \mid \text{OBL} \mid \text{ADJ} \mid \text{XADJ}\}$$

То есть, правила фразовой структуры ничего не говорят о том, какую синтаксическую роль играет та или иная именная группа: любой ИГ может быть присвоена любая из грамматических функций, обозначенных аббревиатурой GF¹⁷. Ограничения на падежное маркирование аргументов накладывает глагольная словоформа¹⁸. Будем также считать, что глагол может задавать лексические ограничения на свои аргументы, например во фразеологических сочетаниях (ср. [Falk 2001: 77]). Так, для финитного глагола *potiz* (букв. '(он) вышел') в составе сочетания *vož-ez pot-i-z* 'рассердился' (зелёный-ACC выйти-PRТ-3) функциональная спецификация выглядит следующим образом:

¹⁶ Использование такой нулевой гипотезы довольно распространено в работах в русле ЛФГ (в отличие от генеративного «мейнстрима»), ср. [Kroeger 2005: 82].

¹⁷ Т. е., в соответствии со списком выше: подлежащее (SUBJ), прямое дополнение (OBJ), не прямое дополнение (OBJ_θ), сентенциальный актант (COMP), односубъектный сентенциальный актант (XCOMP), косвенное дополнение (OBL), адьюнкт (ADJ), односубъектный сентенциальный адьюнкт (XADJ). Замечу, что термин «адьюнкт» применительно к f-структуре в ЛФГ фактически синонимичен термину «сирконстант», более распространённому в русскоязычной литературе.

¹⁸ В рамках ЛФГ существуют также более разработанные теории аргументной структуры, но для простоты я буду считать, что всё падежное маркирование аргументов задаётся глагольной словоформой (решение, аналогичное понятию модели управления в теории «Смысл ↔ Текст»).

potiz V (↑ PRED)='сердиться'((↑ SUBJ)(↑ OBJ)(↑ OBJ_{DAT}))'
 ((↑ SUBJ PRED)='PRO')
 (↑ SUBJ PERS)=3
 (↑ SUBJ NUM)=SG
 (↑ OBJ CASE)=ACC
 (↑ OBJ PRED)='зелёный'
 (↑ OBJ_{DAT} CASE)=DAT
 (↑ TENSE)=PRT

Во-вторых, будем считать, что точно так же, как и грамматические функции, дискурсивная функция FOCUS может быть присвоена любой ИГ в предложении. Это, безусловно, с моей стороны некоторое допущение, поскольку коммуникативная структура высказывания в удмуртском бесермянском, конечно же, зависит от порядка слов и интонации. Формализация этих ограничений, однако, выходит за рамки данного раздела.

В-третьих, я оставляю за скобками спецификацию типов сирконстантов (которая может быть выражена, например, признаком ADJTYPE с соответствующим значением), а также проблему семантической интерпретации результирующей f-структуры. Следует отметить, что, к сожалению, проблема семантической интерпретации сложных предложений (в особенности сентенциальных адьюнктов) разработана в ЛФГ пока что довольно слабо. Поэтому единственное семантическое понятие, которое я буду использовать ниже, – это понятие кореферентности анафора и антецедента.

Наконец, в четвёртых, синтаксическая структура ИГ представлена мною довольно схематически, т. к. настоящий раздел не посвящён ИГ в бесермянском. О структуре ИГ в удмуртском бесермянском см. раздел I.5 «Морфосинтаксис именной группы в финно-пермских языках: анализ в рамках гипотезы минимализма». Детали формализации структуры именной группы в любом случае не должны сильно повлиять на предложенный ниже анализ.

3.3. Коррелятивная конструкция

В свете приведённых выше данных о необязательности отношения кореферентности между ИГ с указательным местоимением в главной клаузе и ИГ-мишенью внутри относительной клаузы, а также в связи со свободной позицией коррелятивной клаузы внутри главной, наиболее естественным решением представляется считать коррелятивную клаузу сентенциальным адьюнктом к главной клаузе. При этом кореферентность ИГ-мишени и ИГ-антецедента имеет анафорический характер. Это позволяет предложить следующий фрагмент правила фразовой структуры предложения:

$$\begin{array}{l}
 (36) S \rightarrow \dots \quad S \quad \dots \\
 \quad \quad \quad \downarrow \in (\uparrow \text{ADJ}) \\
 \quad \quad \quad (\downarrow \text{OPER}) = (\downarrow \text{FOCUS} \text{ GF}^*) \\
 \quad \quad \quad (\downarrow \text{OPER} \text{ DET}) =_c \text{REL} \\
 \quad \quad \quad \left(\begin{array}{l}
 (\uparrow \text{GF}^*) = \% \text{ANAPH} \\
 (\% \text{ANAPH} \text{ DEIXIS}) =_c \text{DIST} \\
 ((\% \text{ANAPH})_\sigma \text{ ANTECEDENT}) = (\downarrow \text{OPER})_\sigma
 \end{array} \right)
 \end{array}$$

Разберём функциональную аннотацию узла S по порядку. Аннотация $\downarrow \in (\uparrow \text{ADJ})$ означает, что f-структура зависимой клаузы принадлежит множеству адьюнктов главной клаузы. В следующих двух аннотациях используется признак OPER (обозначение

Й. Фалька [Falk 2010]; некоторые другие авторы, например М. Далримпл [Dalrymple 2001] используют обозначение RELPRO), который соответствует понятию «мишень релятивизации». Таким образом, ограничение $(\downarrow\text{OPER}) = (\downarrow\text{FOCUS GF}^*)$ означает, что мишень релятивизации входит в фокусную f-структуру (либо совпадает с последней, либо занимает её грамматическую функцию GF любой степени вложения). А ограничение $(\downarrow\text{OPER DET}) = {}_c \text{REL}$ требует того, чтобы мишень содержала в себе относительное местоимение. Следующие три аннотации являются факультативными и выражают анафорическую связь между мишенью и антецедентом. $(\uparrow\text{GF}^*) = \% \text{ANAPH}$ выбирает некоторую ИГ в главной клаузе (которая может быть сколь угодно глубоко вложена в другие ИГ или в придаточные предложения). $\% \text{ANAPH}$ представляет собой т.н. «локальное имя» f-структуры – фактически, это переменная, сфера использования которой ограничена функциональной аннотацией данного узла [Dalrymple 2001: 146-148]. $(\% \text{ANAPH DEIXIS}) = {}_c \text{DIST}$ требует, чтобы ИГ-антецедент содержала в себе указательное местоимение дальнего дейксиса (или сама являлась указательным местоимением). Наконец, $((\% \text{ANAPH})_{\sigma} \text{ANTECEDENT}) = (\downarrow\text{OPER})_{\sigma}$ означает, что семантический признак ANTECEDENT в семантической проекции f-структуры $\% \text{ANAPH}$ имеет значение семантической проекции f-структуры $(\downarrow\text{OPER})$. В неформальных терминах речь идёт об отношении кореферентности между указательным местоимением и ИГ-мишенью.

Поскольку мы задаём отношение между мишенью и местоимением-коррелятом как анафорическое (хотя и устанавливаемое по другим правилам, менее общим, чем для обычных анафорических отношений), так что указательное местоимение оказывается анафором, а ИГ-мишень – антецедентом, из этого автоматически следует, что ИГ-мишень должна f-предшествовать местоимению-корреляту [Kameyama 1985]. Отношение f-предшествования [Kaplan, Zaenen 1989] соответствует неформальному представлению о линейном предшествовании одной составляющей другой. Таким образом, обобщение в [Kameyama 1985] гласит, что антецедент должен предшествовать анафору, который ему кореферентен. Именно это объясняет то, почему в удмуртском бесермянском коррелятивная клауза должна линейно предшествовать ИГ-корреляту и, в частности, не может следовать за главной клаузой. Возможно, такое же объяснение действует и для других языков, в которых засвидетельствована КорК.

Следует заметить, что те случаи, когда мишень соответствует подлежащему в главной клаузе, не выраженному указательным местоимением, в рамках данного анализа трактуются как частные случаи «абсолютной» коррелятивной конструкции. Действительно, для примеров типа (33) возможна интерпретация как с кореферентностью мишени и подлежащего главной клаузы, так и без такой кореферентности – поэтому логично считать, что кореферентность в данном случае регулируется общими правилами анафоры.

К этому же классу примеров я отношу и те случаи, когда ИГ-мишени в главной клаузе соответствует не указательное местоимение, а посессивный показатель:

(37) [Kud-iz nəl murt todmač'k-i-z] tolon až'-i
 который-3 девочка человек знакомиться-PRT-3 вчера видеть-PRT

tekč'a-m-z-e Pet'a-ən
 танцевать-NZR-3-ACC Петя-INST

Вчера я видел, как с Петей танцевала та девушка, которая познакомилась [со мной]. (букв. которая девушка познакомилась, я вчера видел её танец с Петей) (пример Н. В. Сердобольской, л. с.)

В таких случаях я также буду считать, что кореферентность мишени и коррелята регулируется общими правилами анафоры, а не грамматическим требованием связывания с указательным местоимением.

В качестве иллюстрации приведу полный анализ примера (28); индексы при предикатах обозначают кореферентность, функциональная аннотация узла S коррелятивной клаузы, уже представленная в (36), опущена в целях экономии места. Кроме того, я опускаю некоторые подробности f-структуры, не релевантные для данного анализа, такие как указание на лицо и число в именных f-структурах.

Рисунок 4. s-структура для примера (28)

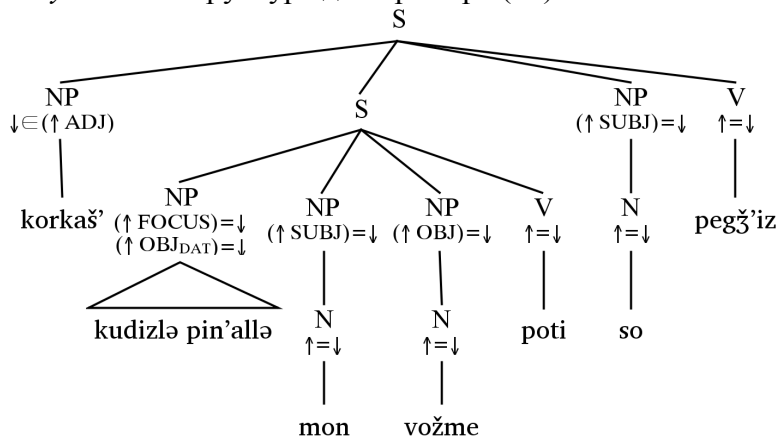
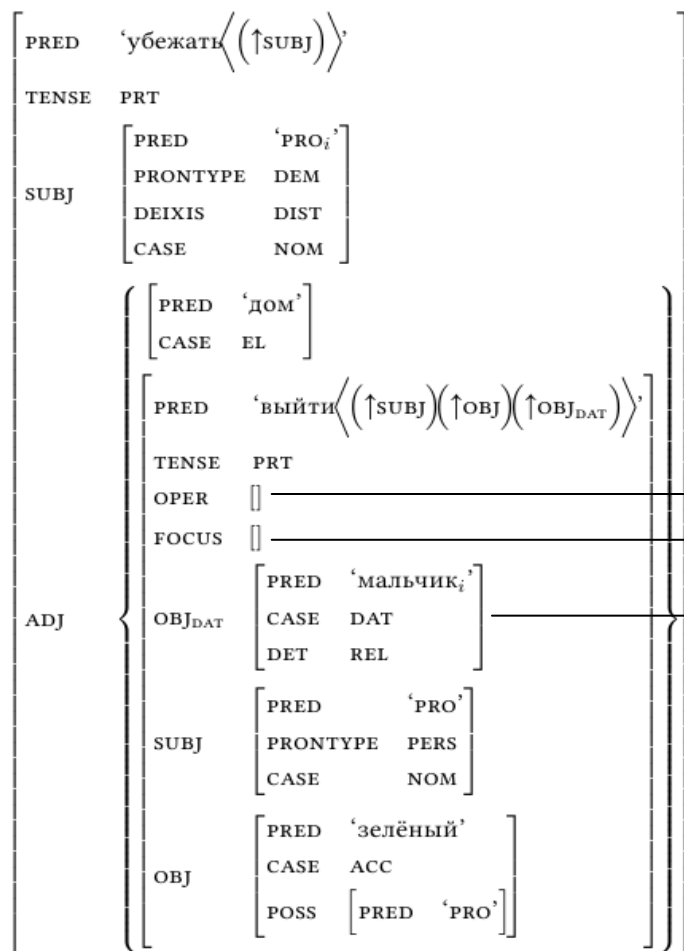

Рисунок 5. f-структура примера (28)

3.4. Конструкция с внутренней вершиной

Что касается КВВ, то здесь удобно основываться на анализе, предложенном Й. Фальком [Falk 2010] для канонических относительных предложений различных типов (как с внутренней, так и с внешней вершиной). Основная идея Й. Фалька состоит в том, что на

уровне f-структуры канонических относительных предложений одна и та же ИГ находится и в позиции вершины (антецедента), и в позиции мишени. Отличие бесермянской ситуации от тех, что описаны в работе Й. Фалька, заключается в том, что здесь конструкция с внутренней вершиной представляет собой финитную клаузу, которая не обладает никакими свойствами именной группы (скажем, нельзя поставить слева от относительной клаузы прилагательное). То есть, считать, что относительное предложение с внутренней вершиной здесь вложено в составляющую типа NP или DP, как в традиционном представлении относительных предложений, нет никаких оснований. Это не такое уж редкое явление: см. [Broadwell 1985], где аналогичный факт доказывается для чоктавского языка. Далее, анализ Й. Фалька разработан для тех типов относительных предложений, в которых не действует эффект совпадения, т. е. в которых падеж, приписываемый мишени, может и не совпадать с падежом, приписываемым антецеденту. Поэтому Й. Фальк вынужден специально оговаривать, что падежное маркирование мишени и антецедента регулируется отдельными правилами. Однако в рассматриваемой здесь конструкции падежи мишени и антецедента как раз должны совпадать, и поэтому для неё анализ Й. Фалька является особенно привлекательным, и нет нужды прибегать к оговоркам подобного рода. Таким образом, я предлагаю анализировать конструкции с внутренней вершиной следующим образом:

$$\begin{aligned}
 (38) \quad S \rightarrow \dots & \quad S \quad \dots \\
 & \quad (\uparrow GF^*) = \%FUNC \\
 & \quad (\downarrow OPER) \backslash DET = \%FUNC \backslash DET \backslash (ADJ \in) \\
 & \quad \quad \quad \rightarrow = \downarrow \\
 & \quad \quad \downarrow \in (\%FUNC \ ADJ) \\
 & \quad (\downarrow OPER) = (\downarrow FOCUS GF^*) \\
 & \quad \downarrow OPER \ DET =_c \ REL
 \end{aligned}$$

%FUNC – локальное имя f-структуры, соответствующей роли-антецеденту в главной клаузе. $(\downarrow OPER) \backslash DET = \%FUNC \backslash DET \backslash (ADJ \in)$ означает, что f-структура роли-антецедента $\rightarrow = \downarrow$

разделяет все признаки f-структуры в функции OPER в зависимой клаузе, кроме указания на детерминант (т. е. на относительное местоимение – аналогичный анализ и аннотация приняты в [Falk 2010]), и что f-структура функции OPER, в свою очередь, разделяет все признаки f-структуры антецедента, кроме указания на детерминант и на тот её адьюнкт, который совпадает с относительной клаузой. Аннотация $\downarrow \in (\%FUNC \ ADJ)$ означает, что сама относительная клауза является адьюнктом роли-антецедента. Если бы не аннотация « $\backslash (ADJ \in)$ » строкой выше, получилось бы, что зависимая клауза сама является $\rightarrow = \downarrow$

адьюнктом своей функции OPER, что привело бы к бесконечному циклу. Наконец, две последние строки повторяют аналогичные аннотации для коррелятивной конструкции в (36).

Нетрудно заметить, что из аннотаций в (38) автоматически следует требование совпадения падежей мишени и антецедента. В самом деле, если одна и та же f-структура, соответствующая именной группе, одновременно участвует в качестве грамматической функции в двух клаузах, это означает, что на её падежное оформление накладываются ограничения сразу оба предиката – главный и зависимый. Таким образом, если они требуют различного падежного маркирования, то использовать конструкцию с внутренней вершиной оказывается невозможным: хотя бы в одной из двух клауз правила соответствия между s-структурой, аргументной структурой и f-структурой будут нарушены.

Как и в предыдущем пункте, приведём в качестве иллюстрации полный анализ примера (33б). Узел зависимой клаузы S не аннотирован, т. к. соответствующая аннотация

громоздка и уже показана в (38). Стрелки в f-структуре на рис. 7 указывают на то, что данные признаки являются общими у двух структур, в соответствии с правилом (38).

Рисунок 6. с-структура примера (33б)

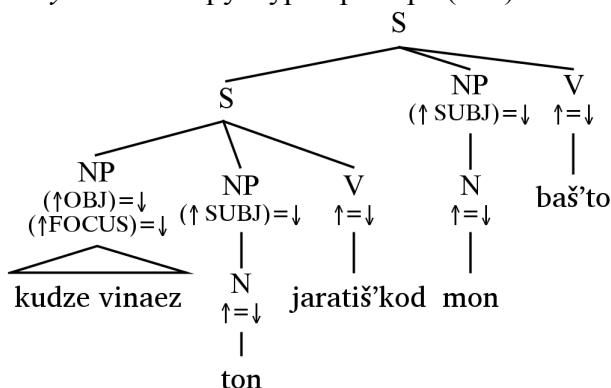
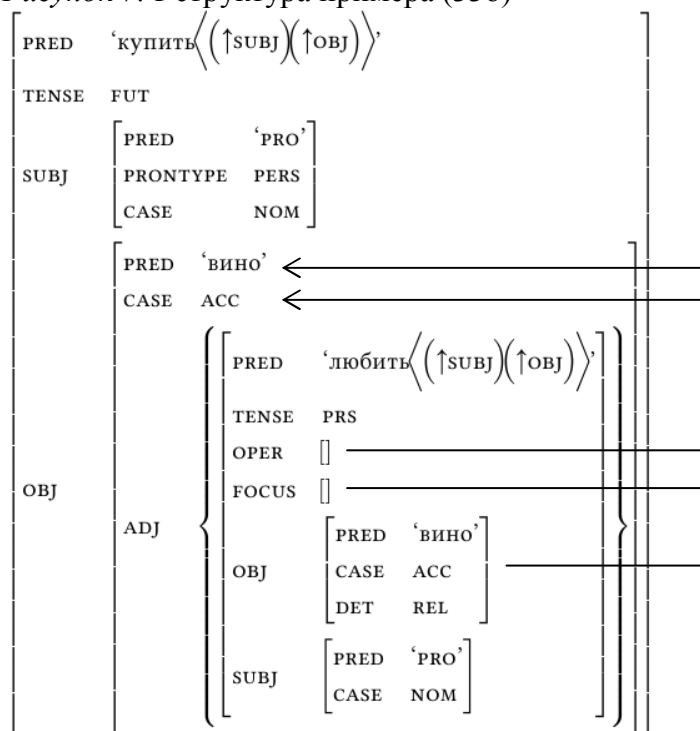

Рисунок 7. f-структура примера (33б)

Таким образом, КорК и КВВ в рамках данного анализа имеют схожие с-структуры, но их f-структуры полностью различны: КорК занимает позицию сентенциального сирконстанта, при этом мишень связывается с коррелятом анафорически (рис. 4, 5); в КВВ аргументную позицию занимает ИГ-мишень, а относительная клауза оказывается адьюнктом последней на уровне f-структуры (рис. 6, 7). При этом в КВВ ИГ-мишень является одновременно аргументом как главной клаузы, так и относительной клаузы, что помогает объяснить требование на совпадение падежного маркирования мишени и antecedента.

4. Заключение

Описанные в данной работе факты удмуртского бесермянского типологически интересны в нескольких отношениях. Во-первых, в распоряжении типологов пока что находится очень мало подробных данных о КорК в языках мира – при том, что этот тип построения относительного предложения чрезвычайно распространён. Среди описанных здесь фактов имеются достаточно необычные явления для типологии данного вида конструкций. Так, практически во всех работах, посвящённых типологии КорК, принято считать, что в таких

конструкциях относительная клауза всегда находится слева от главной клаузы (исключением является работа [Bhatt 2003], где коррелятивная конструкция представлена как вынос относительной клаузы из ИГ-коррелята). В то же время в бесермянском такое вложение оказывается вполне допустимым. Если при этом учесть, что такое же явление не только возможно, но и практически повсеместно как минимум ещё в одном языке, генетически никак не связанном с удмуртским – в осетинском [Гагкаев 1956] – то, возможно, при привлечении данных большего количества языков мира окажется, большинство конструкций такого рода не вписываются в принятые сегодня определения КорК.

Кроме того, интерес представляет и тот факт, что в некоторых случаях коррелятивная клауза может употребляться без всякой связи с какой-либо ИГ в главной клаузе. Это явление может служить хорошей иллюстрацией тому, как проходит процесс грамматикализации коррелятивной конструкции – процесс, который, по всей видимости, в удмуртском бесермянском пока что не получил своего окончательного завершения.

Во-вторых, факты удмуртского бесермянского представляют интерес и с теоретической точки зрения. Большинство предыдущих попыток описать синтаксис КорК (за исключением [Srivastav 1991] и других анализов в том же ключе) так или иначе сводились к тому, чтобы связать синтаксическую структуру КорК с синтаксической структурой канонических относительных предложений, то есть представить зависимую клаузу в этой конструкции адьюнктом именной группы-коррелята. В частности, в рамках теории принципов и параметров и минимализма КорК описывались как результат передвижения относительной клаузы из ИГ-коррелята на левую периферию [Bhatt 2003]. Единственный известный мне анализ КорК в рамках ЛФГ [Butt et al. 2007] отличается от предложенного здесь и по духу схож с минималистскими подходами: в результате использования довольно сложных синтаксических правил на выходе оказывается f-структура, схожая с соответствующими структурами для канонических ОП (с тем различием, что относительная клауза здесь является топиализованной).

В данной работе я попытался показать, что во всяком случае в удмуртском бесермянском КорК слишком сильно отличается от канонических относительных предложений, чтобы описывать её в тех же терминах. На мой взгляд, скорее следует обратить внимание на тот факт, что отношение между ИГ-мишенью и ИГ-коррелятом во многом напоминает отношения между антецедентом и анафором. Поэтому предлагаемый мною анализ, хотя в некоторых чертах и использует те же приёмы, что используются для канонических относительных предложений (например, функцию OPER), принципиально отличается от анализов для последних тем, что кореферентность между мишенью и коррелятом устанавливается не на уровне f-структуры (где коррелят – просто указательное местоимение), но на уровне семантической структуры – точно так же, как в ЛФГ устанавливаются обычные отношения связывания. Это удовлетворяет тому представлению о КорК, согласно которому эти конструкции хотя бы в некоторых случаях развились из паратаксиста.

Анализ, предлагаемый мною для KBV, не настолько сильно отличается от уже существующих анализов таких конструкций: в целом я придерживаюсь анализа, предложенного в [Falk 2010]. Однако следует отметить две интересные особенности. Во-первых, в KBV в удмуртском бесермянском используется финитный глагол, и нет никаких оснований считать, что относительная клауза в данном случае вложена в составляющую типа NP или DP. Единственное различие между КорК и KBV, таким образом, проходит на уровне f-структуры. Кроме того, налицо несоответствие между с-структурой и f-структурой: если в с-структуре позицию аргумента главной клаузы занимает сама относительная клауза, то в f-структуре в соответствующей позиции находится её функция OPER, а сама относительная клауза является адьюнктом этой f-структуры. Во-вторых, примечательно то, что из предложенной мною формализации KBV в удмуртском бесермянском непосредственно следует необходимость совпадения падежей ИГ в обеих

клаузах (“matching requirement”), что свидетельствует в пользу правильности предложенного анализа. Кроме того, этот анализ соответствует той интуиции, что в конструкциях с внутренней вершиной, подобных бесермянской, ИГ-мишень одновременно является участницей двух клауз: главной и относительной.

Безусловно, данное исследование не претендует на то, чтобы описать данные удмуртского бесермянского в полном объёме. Так, поскольку я практически не касался семантической структуры высказывания (исследование которой в рамках ЛФГ, повторюсь, пока только набирает обороты), без описания остались такие интересные вопросы, как употребление ИГ с квантификаторами в позиции мишени (14). Кроме того, не получил окончательного объяснения и формализации факт согласования относительного местоимения с именем-вершиной, а также другие случаи согласования атрибутов с вершинами в удмуртском бесермянском. Несмотря на это, я надеюсь, что предложенный здесь анализ КорК и КВВ представляет интерес и может использоваться для анализа аналогичных конструкций в других языках.

Список литературы

- [Алатырев 1974]: Алатырев В. И. (ред.). 1974. *Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения*. Ижевск: Удмуртия.
- [Алатырев 1983]: Алатырев В. И. 1983. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // *Удмуртско-русский словарь*. М.: Русский язык, с. 561–591.
- [Алпатов et al. 2008]: Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. 2008. *Теоретическая грамматика японского языка*. Книга 2. М.: Наталис.
- [Беляев 2010]: Беляев О. И. 2010. Относительное предложение в осетинском языке: синтаксис и семантика // *Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов»*. Секция «Филология». М., с. 261–264.
- [Гагкаев 1956]: Гагкаев К. Е. 1956. *Синтаксис осетинского языка*. Орджоникидзе.
- [Зализняк, Падучева 1975]: Зализняк А. А., Падучева Е. В. 1975. К типологии относительного предложения // *Семиотика и информатика* 6. М., с. 51–102.
- [Казенин 2002]: Казенин К. И. 2002. Современные формальные теории синтаксиса: сопоставление трактовок грамматической анафоры // Кибрик А. А., Кобозева И. М., Секерина И. А. (ред.) *Современная американская лингвистика: фундаментальные направления*. М.: УРСС, с. 403–433.
- [Ландер 2009]: Ландер Ю. А. 2009. Множественная релятивизация: подлинная и мнимая // Тестелец Я. Г., Аркадьев П. М., Летучий А. Б., Сумбатова Н. Р. *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике осетинского языка*. М.: Издательство РГГУ.
- [Лютикова 1999]: Лютикова Е. А. 1999. Относительное предложение // Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.) *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: Наследие.
- [ГСУЯ]: Перевощиков П. Н., Вахрушев В. М., Алатырев В. И. (ред.). 1962. *Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология*. Ижевск: Удмуртское книжное издательство.
- [Тепляшина 1970]: Тепляшина Т. И. 1970. *Язык бесермян*. М.: Наука.
- [Тестелец 2001]: Тестелец Я. Г. 2001. *Введение в обций синтаксис*. М.: Издательство РГГУ.
- [Andrews 2007]: Andrews A. 2007. Relative clauses // Shopen T. (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. II. *Complex Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, с. 206–236.
- [Austin, Bresnan 1996]: Austin P., Bresnan J. 1996. Non-configurationality in Australian Aboriginal languages // *Natural Language and Linguistic Theory* 14 (2), с. 215–268.
- [Baker 1988]: Baker M. C. 1988. *Incorporation: A Theory of Grammatical Function Changing*. Chicago: Chicago University Press.

- [Bhatt 2003]: Bhatt R. 2003. Locality in Correlatives // *Natural Language and Linguistic Theory* 21, c. 485–541.
- [Bhatt, Lipták 2009]: Bhatt R., Lipták A. 2009. Matching effects in the temporal and locative domains // Lipták A. (ed.). *Correlatives Cross-Linguistically*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, c. 343–372.
- [Bresnan 2001]: Bresnan J. 2001. *Lexical-Functional Syntax*. Oxford: Blackwell.
- [Broadwell 1985]: Broadwell G. A. 1985. Internally Headed Relative Clauses in Choctaw // *Kansas Working Papers in Linguistics* 10 (2), c. 16–24.
- [Butt et al. 2007]: Butt M., King T. H., Roth S. 2007. Urdu Correlatives: Theoretical and Implementational Issues // Butt M., King T. H. (eds.). *Proceedings of LFG07*. Stanford: CSLI Publications, c. 107–127.
- [Carnie 2010]: Carnie A. 2010. *Constituent Structure*. Oxford: Oxford University Press.
- [Dalrymple 2001]: Dalrymple M. 2001. *Lexical Functional Grammar*. New York: Academic Press.
- [Falk 2001]: Falk Y. N. 2001. *Lexical-Functional Grammar: An Introduction to Parallel Constraint-Based Syntax*. Stanford: CSLI Publications.
- [Falk 2010]: Falk Y. N. 2010. An Unmediated Analysis of Relative Clauses // Butt M., King T. H. (eds.). *Proceedings of LFG10*. Stanford: CSLI Publications, c. 207–227.
- [Givón 2009]: Givón T. 2009. *The Genesis of Syntactic Complexity: Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- [Groos, van Riemsdijk 1981]: Groos A., van Riemsdijk H. 1981. Matching Effects in Free Relatives: A Parameter of Core Grammar // Belletti A., Brandi L., Rizzi L. (eds.). *Theory of Markedness in Generative Grammar: Proceedings of the IVth GLOW Conference*. Pisa: Scuole Normale Superiore di Pisa, c. 171–216.
- [Grosu, Landman 1998]: Grosu A., Landman F. 1998. Strange relatives of the third kind // *Natural Language Semantics* 6, c. 125–170.
- [Hale 1976]: Hale K. L. 1976. The adjoined relative clause in Australian // Dixon R. M. W. (ed.) *Grammatical categories in Australian languages*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, c. 78–105.
- [Kameyama 1985]: Kameyama M. 1985. *Zero Anaphora: The Case of Japanese*. Doctoral dissertation, Stanford University.
- [Kaplan, Bresnan 1982]: Kaplan R. M., Bresnan J. 1982. Lexical-functional grammar: a formal system for grammatical representation // Bresnan J. (ed.). *The Mental Representation of Grammatical Relations*. Cambridge, Mass: MIT Press, c. 173–281.
- [Kaplan, Wedekind 1993]: Kaplan R. M., Wedekind J. 1993. Restriction and Correspondence-Based Translation // *Proceedings of the 6th Conference of the Association for Computational Linguistics European Chapter*. Utrecht: Utrecht University, c. 193–202.
- [Kaplan, Zaenen 1989]: Kaplan R. M., Zaenen A. 1989. Long-distance dependencies, constituent structure, and functional uncertainty // Baltin M., Kroch A. (eds.). *Alternative Conceptions of Phrase Structure*. Chicago: Chicago University Press, c. 16–42.
- [Keenan, Comrie 1977]: Keenan E., Comrie B. 1977. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar // *Linguistic Inquiry* 8 (1), c. 63–99.
- [Kroeger 2005]: Kroeger P. R. 2005. *Analyzing Grammar: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- [Lehmann 1984]: Lehmann C. 1984. *Der Relativsatz*. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
- [Lipták 2008]: Lipták A. 2008. On the correlative nature of Hungarian left peripheral relatives // Shaer B., Cook P., Frey W., Maienborn C. (eds.). *Dislocation: Syntactic, semantic and discourse perspectives*. London: Routledge, c. 398–430.
- [Lipták 2009]: Lipták A. 2009. The landscape of correlatives. An empirical and analytical survey // Lipták A. (ed.). *Correlatives Cross-Linguistically*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, c. 1–48.

- [Nikolaeva 2005]: Nikolaeva I. 2005. Relative Clauses // Brown K. (ed.). *Encyclopedia of Language and Linguistics*. 2nd Edition. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, pp. 501–508.
- [Ross 1967]: Ross J. R. 1967. *Constraints on variables in syntax*. Doctoral dissertation, Massachusetts Institute of Technology.
- [Srivastav 1991]: Srivastav V. 1991. The syntax and semantics of correlatives // *Natural Language and Linguistic Theory* 9, c. 637–686.
- [Suihkonen 2005]: Suihkonen P. 2005. On the Categories and Functions Developed from the Possessive and Deictic Suffixes in Udmurt // Hasselblatt C., Koponen E., Widmer A. (eds.). *Lihkkun Lehkos! Beiträge zur Finnougristik aus Anlaß des sechzigsten Geburtstages von Hans-Hermann Bartens*. Wiesbaden: Harrassowitz, c. 401–427.
- [de Vries 2002]: de Vries M. 2002. *The Syntax of Relativization*. Doctoral dissertation, University of Amsterdam.
- [Winkler 2001]: Winkler E. *Udmurt*. München: LINCOM EUROPA.